Сергей Изуграфов

Смертельный заплыв

Детективная серия «Смерть на Кикладах»

Сергей Изуграфов

Смертельный заплыв. Детективная серия «Смерть на Кикладах»

«Издательские решения»

Изуграфов С.

Смертельный заплыв. Детективная серия «Смерть на Кикладах» / С. Изуграфов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-749450-6

Алекс Смолев, владелец небольшой виллы на греческом острове Наксос снова вынужден принять активное участие в расследовании запутанного преступления, в которое оказались втянуты не только его друзья, гости виллы и жители острова, Бюро Интерпола Греческой Республики, но и одна из самых безжалостных и кровожадных ветвей европейской мафии — неаполитанская Каморра.

ISBN 978-5-44-749450-6

© Изуграфов С.
© Издательские решения

Содержание

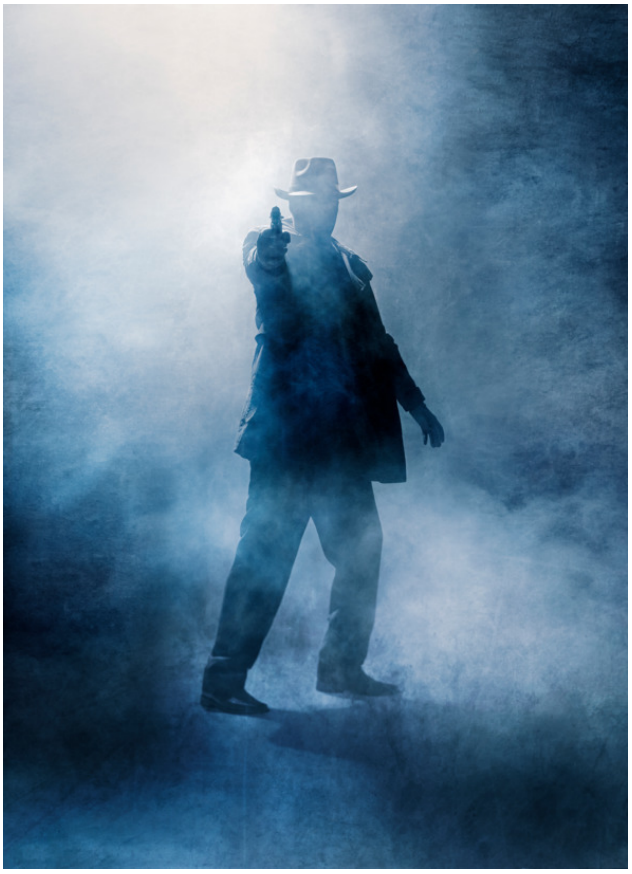
Пролог 6
Часть первая 10
Часть вторая 16
Часть третья 23
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Смертельный заплыв
Детективная серия «Смерть на Кикладах»

Сергей Изуграфов

© Сергей Изуграфов, 2018

ISBN 978-5-4474-9450-6
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero



Трое смогут сохранить секрет, если двое из них – мертвы!
Каморра

Пролог

В самом слове «остров» есть какая-то
магическая притягательная сила. Живя
на острове, теряешь связь с миром;
остров – это самостоятельный мир.
Агата Кристи, «Десять негритят».

Сверкающей на солнце гирляндой жемчужин неправильной формы и различного размера с северо-запада на юго-восток протянулись двести с лишним островов Кикладского архипелага, навсегда найдя свое место в бескрайней лазури теплого Эгейского моря.

Когда-то, сотни, а то и тысячи лет назад, когда и море-то еще не называли Эгейским, на многих из них жили люди, стояли храмы и святилища. Сегодня лишь десяток из этих островов обитаем.

Откуда взялись они посреди бескрайней морской глади? Есть много версий: научных и не очень.

Да и кого интересует научный подход, когда, осмотрев с раннего утра уже с десяток достопримечательностей, включая местную каменоломню, откуда брали прекрасный белый мрамор для статуй еще самого Праксителя, археологический музей, наполненный амфорами и фигурками эпохи неолита, пещеру со сталактитами, где рос Зевс, и скалу на пляже, на которой – любой местный может подтвердить этот непреложный факт – сидела сама Афродита, – ты сомлел с непривычки от жары и хочешь только одного: оказаться под сенью виноградных лоз на террасе очередной гостеприимной таверны! Там присесть на удобный стул, выпустить наконец из рук нещадно потяжелевший фотоаппарат, выпить бокал белого вина или воды со льдом, отдышаться, обмахиваясь шляпой и утираясь платком, и поглазеть по сторонам.

История, которой на Кикладах дышит каждый камень, может и подождать. Благо, всегда есть кому просветить туриста на этот счет!

Кто из островитян не знает старой легенды о том, как разгневанный Посейдон превратил слишком расшалившихся нимф, докучавших ему во время божественного отдыха своими легкомысленными песенками и танцами, в каменные острова?

Любой грек на Кикладах расскажет любознательному туристу, как именно это было, щедро прибавив от себя такие подробности, что поневоле поверишь, что уж он-то сам при этом без сомнения присутствовал. А потом, оказавшись владельцем таверны, непременно пригласит в гости и укажет столик, с которого лучше всего видно то самое место, где это все и произошло в те самые незапамятные времена…

И плетеный стул, как правило, мягок и удобен, и домашнее белое вино, что подано на стол в запотевшем глиняном кувшине, приятно освежает и бодрит, и тень над головой от старого платана или густой заросли виноградных листьев дарит долгожданную прохладу сомлевшему туристу, а уж вид на бескрайнее море и в самом деле великолепен! И так ли уж, в самом деле, важно, здесь ли именно бушевал разгневанный Посейдон или на несколько миль дальше?

Скоро на столе незаметно появляется горячий хлеб домашней выпечки с золотистой хрустящей корочкой, блюдце с оливковой пастой и мисочка с холодными баклажанами, что гостеприимная хозяйка потушила в оливковом масле с чесноком и специями еще накануне с вечера и заботливо убрала до времени в прохладный погреб.

Затем, чтобы утолить раздразненный закусками аппетит, на столе возникнут уже и свежие овощи с фетаксой из козьего или овечьего молока, и картофельная запеканка – мусака – со сладким перцем, баклажанами и фаршем из баранины под соусом бешамель. А чтобы окончательно привести туриста в восторг, – и сам печеный барашек, добрую порцию кото-

рого хозяин обязательно поставит перед гостем лично, щедрой рукой нальет вина из кувшина в бокал и похлопает дружески по плечу, чистосердечно пожелав: «Ямас!», – мол: «За нас, за тебя, дорогой друг, будь здоров, счастлив, кушай хорошо и заходи почаще!»

Такой вот типичный, сомлевший на ярком солнце турист, облюбовавший типичную кикладскую таверну, с комфортом расположился за одним из ее столиков и с наслаждением потягивал из бокала вино, бегло пролистывая неоднократно уже изученный им во всех деталях «Путеводитель по Кикладским островам».

Миллионы туристов едут в Грецию каждый год насладиться греческим гостеприимством, а сами греки с материка едут на Киклады – самое красивое и живописное место во всей Греции. Их манят чистейшее прозрачное море с множеством тихих лагун и уютных бухт, широкие песчаные и галечные пляжи, протянувшиеся на многие километры, озера с родниковой водой и поросшие зеленью горы с таинственными пещерами, вкуснейшая национальная кухня с винами и сырами местного производства, рыбными и мясными деликатесами.

Греки знают, куда ехать отдыхать! И каждый находит на Кикладах свое. Молодежь стремится на раскрепощенный Миконос – жемчужину клубной жизни Греции – окунуться в шумные пляжные вечеринки и посетить знаменитые рестораны. Тысячи паломников со всего света едут погрузиться с головой в уединенную и тихую жизнь Тиноса, где находится известная церковь Девы Марии. Археологи и историки посещают необитаемый остров Делос, где по местным законам нельзя даже остаться на ночлег – в свое время здесь существовало древнее святилище Аполлона и Артемиды, а потом – и Милос, тот самый, где когда-то была обнаружена Венера, ставшая позднее Милосской. Влюбленные пары спешат на Санторини – насладиться обманчивым спокойствием древнего вулкана и романтикой белоснежной «визитной карточки» Киклад, а затем и на Анафи – побродить, взявшись за руки, по экзотическим пальмовым пляжам с удивительными ландшафтами.

В самом же сердце Киклад лежат два острова, куда приезжают гости со всего земного шара. Лишь узкая полоса пролива разделяет их один от другого. Когда-то это был один клочок суши в водах Эгейского моря. Но с незапамятных времен землетрясение отделило от Пароса кусочек, названный позднее Антипаросом. Два острова разделяет пролив, протяженностью около полутора километров.

Этот-то пролив местные жители и туристы облюбовали в качестве дистанции для ежегодного морского марафона, шутка ли: почти морская миля в открытом море! Это надо отважиться, чтобы пересечь его. Но каждый год собирается почти триста смельчаков – мужчин и женщин, готовых бросить вызов морской стихии. А сколько приезжает туристов поглазеть на заплыв! Еще бы: в прошлом году, говорят, сам Том Хэнкс, купивший дом на Антипаросе, вместе с женой-гречанкой принял участие в заплыве! И проплыл неплохо: за каких-то сорок минут! Это в пятьдесят-то восемь лет! Говорят, что и Лайам Нисон отдыхает неподалеку, и даже, по слухам, сама Мадонна собирается купить здесь роскошную виллу, чтобы отдохнуть в покое от назойливых поклонников и вездесущих папарацци.

Турист наконец отложил истрепанный «Путеводитель» в сторону, решив продолжить обед.

Заплыв должен был начаться через полчаса, и приезжий – полноватый мужчина средних лет, по всему – грек с материка, решил провести это время не сходя с места, – тем более что блюдо с ароматной бараниной дымилось перед ним во всей своей красе и великолепии, а кувшин с вином был еще наполовину полон.

Мужчина достал из бездонных карманов своего мешковатого льняного пиджака очередной белоснежный платок, вытер им вспотевший лоб и блаженно улыбнулся.

Старший инспектор уголовной полиции Наксоса – острова, который находился в шести километрах от Пароса – Теодорос Антонидис наслаждался честно заработанным отпуском.

Будучи по происхождению действительно греком с материка, переехавшим по делам службы два с половиной года назад на Наксос и ни разу не покидавший его за все это время, он решил объехать за три недели отпуска, что щедро выделило ему афинское начальство, все крупнейшие острова Кикладского архипелага, чтобы, как он сам говорил, «лично составить о них подробное впечатление».

О «морском марафоне» с Пароса на Антипарос он узнал заранее и решил, что непременно должен в нем участвовать, но не в качестве пловца, упаси Боже – к стыду своему старший инспектор едва мог держаться на воде, а уж о том, чтобы проплыть добрую морскую милю, он и мечтать не мог – а в качестве зрителя и фотографа-любителя.

Антонидис с гордостью взглянул на лежавший на столе рядом с раскрытым «Путеводителем по Кикладским островам» цифровой зеркальный аппарат Canon 60D – подарок главы Национального Бюро Интерпола Греческой Республики генерала Манна. Этот фотоаппарат входил в перечень оборудования, переданного в свое время Интерполом в дар лаборатории полицейского участка Наксоса, – старший инспектор страшно гордился им и очень дорожил.

Неторопливо поедая нежное мясо, которое словно таяло во рту, запивая его прохладным вином и жмурясь от удовольствия, старший инспектор наблюдал с интересом за тем, как на набережной небольшого городка Пунто, откуда на Паросе стартовал заплыв, стал собираться народ. Со своего места ему было все прекрасно видно: участники заплыва прибывали с группами поддержки из родственников и друзей, которые всячески подбадривали спортсменов, рассказывая им веселые истории об утонувших в прошлом году, – такая уж традиция – разражаясь громким смехом и хлопая участников по плечам.

На самом деле, за много лет «морского марафона» не было ни одного несчастного случая: за этим бдительно следит местная служба спасения на водах, чьи катера уже качаются в бухте на волнах. Вон они: три, четыре, даже пять катеров!

Спортсмены начали разминку, разогревая мышцы перед заплывом. Многие из них были одеты в специальные гидрокостюмы, защищавшие их от переохлаждения в морской воде.

Организаторы заплыва установили на набережной несколько столов, за которыми сидели девушки, регистрировавшие участников. Подготовка к марафону была в самом разгаре: громко играла музыка, спортсмены по очереди подходили к столикам и отмечались в длинном списке участников.

Зрители постепенно заполняли набережную, щелкая затворами фотоаппаратов и весело переговариваясь. Стайка стройных и загорелых девушек в бикини – группа поддержки – высыпала на набережную и начала представление под музыку, изображая, видимо, тех самых нимф – проказливых дочерей Океана, не дававших спать Посейдону. Слава Богу, в этот раз их никто не превратил в камень: зрители дружно хлопали в ладоши и фотографировали юных красавиц.

Старший инспектор, невольно залюбовавшись молодыми «нимфами», тоже потянулся за фотоаппаратом: объектив был достаточно мощным, чтобы сделать хорошие снимки даже с того места, где он сидел, главное, чтобы никто не заслонил от него танцующих. Он несколько раз щелкнул затвором аппарата, выстрелив, словно очередью, в режиме «спорт», и запустил «просмотр изображения» на большом экране фотоаппарата, прикрывая его рукой от солнца, чтобы лучше было видно.

И надо же такому случиться, как назло: в кадр влез какой-то небритый мужчина плотного телосложения в неопрятного вида плаще, по виду – итальянец, с суровым обветренным лицом, заслонив собой танцевавших «нимф», и «погубил» практически все кадры! Какое невезение!

Антонидис философски вздохнул и собрался было уже стереть ненужные ему снимки, как тут раздались громкие аплодисменты, зазвучали фанфары, и спортсмены вышли на старт.

Старший инспектор быстро поднялся со своего места, подошел ближе к парапету, что отделял террасу таверны от пляжа, и отвел душу, засняв во всех подробностях старт «морского марафона».

Под громкую музыку, подбадривающие крики и аплодисменты спортсмены друг за другом бросались в воду, вспенив ее совершенно, и, постепенно, сопровождаемые катерами спасателей, растягивались в воде длинной цепочкой, уходившей в сторону соседнего острова.

Марафон начался!

Инспектор Антонидис, увлеченный фотосъемкой, не заметил, как тот самый небритый «итальянец», убедившись в чем-то, набрал номер на своем мобильном телефоне и, коротко отчитавшись перед кем-то, резко повернулся спиной к старту заплыва, словно «морской марафон» более совершенно его не интересовал, и решительно зашагал в сторону марины, где стояли яхты и катера.

Через какое-то время к нему присоединились еще двое сумрачного вида мужчин в длинных и светлых плащах, несмотря на жаркую погоду, по всему – «чужаки», и странная троица, словно придерживая что-то руками под верхней одеждой, торопливо дойдя до марины, скрылась на борту одного из катеров.

Вскоре двигатель катера затарахтел, один из приезжих, уже без плаща, выскочил на берег, ловко размотал швартовочный канат и быстро запрыгнул обратно. Катер, взревев мощным мотором, развернулся и, постепенно набирая скорость, помчался в пролив, туда, где уже едва виднелась цепочка пловцов.

Ну, и совсем не мог знать старший инспектор о том, что уже после того, как все участники заплыва под аплодисменты и восторженные крики обитателей «принимающего» острова выйдут из воды, и в море не останется более ни одного пловца, о чем и сообщит по рации руководитель службы спасения главному организатору «морского марафона», – на берегу бухты Антипароса, прислонившись спиной к большому валуну, скрывшись за камнями от чужих глаз и, словно застыв, еще добрых полчаса простоит мужчина, отчаянно впившись глазами в море. Эти полчаса покажутся ему вечностью.

Ростом ниже среднего, полный, с круглым лицом и толстыми щеками, в светлом плаще явно с чужого плеча, который словно тоже что-то скрывал от окружающих, он держал одну руку за пазухой, а другой то и дело вытирал крупный пот, что катился по его лицу и заливал глаза. Убедившись в том, что никто более из моря не выйдет, он повернулся и на негнущихся ногах, пошатываясь, двинулся к пирсу. Там, выйдя к кафе, столики которого стояли почти у самой кромки воды, он без сил упал в ближайшее кресло.

В этот момент вдруг пронзительно взвыли сирены на катерах службы спасения, и, развернувшись в бухте Антипароса, один за другим катера полетели в пролив: видимо, сверка списков участников показала, что как минимум один пловец, стартовавший на Паросе, до Антипароса так и не добрался.

Часть первая

Смерть интересовала меня с детства.
Когда я прочла: «Шалтай-Болтай сидел
на стене, Шалтай-Болтай свалился во сне», – я задумалась: «Сам свалился – или столкнули?»
Филлис Дороти Джеймс

Всего в шести километрах от Пароса и Антипароса находится крупнейший из островов Кикладского архипелага – Наксос. Гористый остров с внушительным горным хребтом, чьи гордые вершины уходят в небо на тысячу метров, прекрасными зелеными равнинами и плодородными долинами, где среди рек и родников с прозрачной водой круглый год цветут и плодоносят фруктовые сады, оливковые рощи и виноградники. Луга с густой душистой травой и олеандровые заросли переходят в песчаные пляжи и скалы, что круто обрываются к морю. Красивейшие бухты с бирюзовой морской гладью, многокилометровые пляжи побережья украшают остров, который известен с древнейших времен.

Небольшие живописные деревеньки разбросаны по всему острову, их жители, чьи дома утопают во фруктовых садах, свято чтут старые традиции, особенно – кулинарные! Местные хозяйки большие мастерицы в приготовлении петуха в винной подливке, мидий в соусе саганаки с домашним козьим сыром, макарон с омарами, запеченного кальмара и самых разных мясных блюд.

Мясо Наксоса – отдельная тема! Остров славится на всю страну своим скотоводством: пасхальные агнцы с Наксоса идут просто нарасхват в Страстную неделю, когда православные греки заботятся о яствах к своему пасхальному столу после долгого сорокадневного поста. Кроме вина, нежнейшей баранины и козлятины, Наксос славится и своими сырами, молочными продуктами, ароматным тимьяновым медом, вареньем и разноцветной настойкой из цитрусовых – китроном.

В отличие от большинства безводных островов Кикладского Архипелага, Наксос – самый настоящий рай: с древних времен остров славился своим плодородием! Нигде в Греции нет вкуснее картофеля, чем тот, что выращен здесь! А какие маслины – крупные, спелые! Тысячелетиями тут выращивали виноград и занимались виноделием. Богатство и изобилие древней земли долгое время позволяло острову быть независимым от туристического бума, поэтому Наксос был последним из Кикладских островов, что открыл свои двери для путешественников.

Самое оживленное место на острове – его столица и главный морской порт – город Хора. Здесь живет добрая половина всех жителей. Сегодня любой турист, едва сойдя с парома и лишь

ступив на гостеприимный берег, будет поражен видом, который откроется ему: белый лабиринт из домов на холме венчает мощная венецианская крепость, а огромные мраморные врата храма Аполлона, расположенные на небольшом островке в бухте Хоры, заставят его невольно задуматься о том, каких же циклопических размеров был сам храм!

Здесь же, в запутанном лабиринте улочек, украшенных глиняными цветочными горшками, вазами и цитрусовыми деревцами в кадках, находятся и многочисленные небольшие гостиницы и виллы, предлагающие приезжим уют и домашнюю кухню. Среди них на улочке Апиранто, за толстыми белеными стенами расположилась одна из старейших вилл острова.

Подтянутый, с отменной выправкой, выдающей в нем кадрового офицера запаса, мужчина-брюнет средних лет быстро спускался по лестнице с верхней террасы виллы «Афродита».

На странно бледном гладко выбритом лице особенно выделялись внимательные серые глаза и небольшой узкий шрам, что пересекал его левый висок. Одет он был в отлично сшитый светлый костюм, что сидел на его ладной фигуре как влитой, белоснежную сорочку и светлые туфли из мягкой замши.

Брюнет двигался быстро и точно, как человек, привыкший к физическим нагрузкам. Было что-то еще особенное в том, как мужчина вел себя – словно он, несмотря на внешнюю расслабленность, был постоянно внутренне собран и готов в любой момент среагировать на любую опасность: навык, приобретаемый за долгие годы службы в специальных подразделениях.

– Соня, Катерина! – произнес он по-русски приятным баритоном, спустившись к стойке администратора, обращаясь к двум молодым женщинам, стоявшим у ресепшн и обсуждавшим какие-то важные вопросы. – Отлично, что вы обе здесь!

– Доброе утро, босс! – немедленно отреагировала первой черноволосая и быстроглазая гречанка Катерина – администратор и старшая горничная, говорившая по-русски правильно, с едва заметным милым акцентом. – Сегодня еще…

– Не здоровались! – закончила за нее привычную присказку высокая, спортивного вида молодая женщина с огромной копной ярко-рыжих волос на голове – управляющая виллой. – Дядя Саша, ты куда-то спешишь? Что случилось?

– Есть срочное дело в порту, – непонятно ответил «босс», массируя пальцем левый висок со шрамом, который, видимо, его беспокоил. – Рыжая, принимай гостей сама, всех расселяйте, я вернусь к обеду и пообщаемся. Думаю, что меня не будет пару часов, потерпят гости без хозяина. На ужине меня представишь постояльцам. Я из порта, скорее всего, зайду в полицейский участок, а потом уже домой, надо будет сделать еще пару важных звонков.

– Сделаем, дядя Саша! – тряхнула рыжими волосами Соня. – Не волнуйся! Может, помощь нужна? А то я быстро: мне только боккен из комнаты взять! Пять секунд! Давно я не разминалась! В Додзе занятия только послезавтра!

– Пока нет, потерпи, может быть, позже, – покачал головой мужчина и обратился к гречанке: – Катерина, свяжись, пожалуйста, с Костасом. Пусть немедленно идет в порт, его отцу, Никосу, потребуется помощь. И не надо делать такие круглые глаза! Ничего еще не случилось! Все в порядке! Просто Костас сейчас нужен в порту. Все ясно? Звони своему жениху, скажи, что я его встречу там, где всегда швартуется лодка его отца. И очень тебя прошу, без фантазий!

– Хорошо, босс! – кивнула очаровательная гречанка и, сорвавшись с места, бросилась названивать жениху.

– Дядя Саша, – подойдя поближе, произнесла вполголоса Рыжая Соня, как звали ее друзья, и взяла того за руку. – Ты уверен, что помощь не нужна? В чем дело-то?

– Надо помочь разобраться Никосу с сегодняшним уловом, Рыжая. Сам пока толком ничего не понимаю. Позвонил бармен из таверны рядом с мариной – сказал, что Никос попросил меня подойти к причалу. Мол, дело срочное и не терпит отлагательств. Сказал, что полицию они уже вызвали, деталей не знаю. Расскажу обязательно, но позже! Ты за старшую!

И присмотри за Катериной, чтобы не болтала! Впрочем, это выше ее сил! – безнадежно покачал головой владелец гостиницы и, махнув рассмеявшейся управляющей на прощание рукой, быстро спустился вниз к калитке и вышел на улочку Апиранто.

– С уловом? – удивленно пробормотала про себя управляющая, продолжая улыбаться и глядя ему вслед. – А чего с ним разбираться? Больше десяти килограммов старый Никос сроду нам еще не привозил! Да это еще в лучшем случае! Совсем сдал старик, возраст! Зато отменную рыбу ловит, это правда, Петрос на него не нахвалится. А полицию-то зачем?

Пожав плечами, она повернулась к стойке ресепшн и, пока встревоженная Катерина тараторила в трубку по-гречески, общаясь со своим женихом, снова вернулась к изучению списка гостей. Сегодня день заезда – и гостиница снова полным полна. Вот-вот должны были начать прибывать постояльцы.

Паром, что шел из афинского порта Пирей с материка и сначала останавливался на Паросе, а потом уже прибывал на Наксос, полчаса как причалил к пирсу Хоры – столицы Наксоса, и туристы с чемоданами, сумками и прочим скарбом, что везут с собой «на всякий случай» отдыхающие на маленький греческий остров, направились в город в поисках заранее забронированного жилья.

Александр Владимирович Смолев, сорока пяти лет, русский, шел своим обычным пружинящим шагом в сторону моря по мощеным мостовым столицы острова, быстро сбегая по многочисленным каменным ступенькам, привычно поворачивая в нужном направлении на узких развилках и перекрестках тесных улочек, украшенных цветами в горшках, лимонными деревьями в кадках с ярко-желтыми бугристыми плодами, рассохшимися на солнце старыми деревянными вывесками и вьющимся виноградом.

Скоро полгода, как он – владелец небольшой виллы «Афродита» на острове Наксос – настоящий островитянин. Сколько всего произошло за эти шесть месяцев! Как опытному лингвисту, говорившему свободно на нескольких европейских языках, Алексу было проще выучить греческий за столь короткий срок в объеме, достаточном хотя бы для того, чтобы свободно общаться с местными жителями на бытовом уровне. Но, главное, Алексу – как звали его на острове – удалось завоевать доверие и уважение местных греков. Один из них сейчас и нуждался в его помощи.

Старый рыбак Никос, отец веселого студента – балагура Костаса, жениха Катерины, был одним из самых опытных рыбаков на острове. Еще бы! Почитай, полвека в море, практически каждый день, не считая воскресений.

«Неделя – для моря, – говорили рыбаки, собираясь воскресным утром на проповедь в старую беленую церковь на холме, – а воскресенье – для Бога!»

Рыбаки, может, в силу своей профессии, а может, – в силу островной традиции, были очень набожны и, в то же самое время, – крайне суеверны. Это можно было понять: весь их скудный доход зависел от моря, куда они выводили свои ярко раскрашенные утлые лодчонки, от старых многократно чиненных сетей, капризной погоды да госпожи Удачи!

«Тут, понимаешь, и в Христа поверуешь, и в Посейдона! – часто говорил ему Никос, швартуясь на привычном месте, когда Алекс, придя ранним утром на причал, наблюдал возвращение первых рыбацких лодок. – Особливо, когда ни с того, ни с сего твой дизелек глохнет посреди моря, сети пусты, в трюме течь, а сил уже нет – вот и молись кому хочешь, по очереди… Авось, кто сжалится да поможет! Я вот тезке своему часто молюсь – Николаю Чудотворцу! Часто он меня выручал из разных передряг… Порой так прижмет – рад бываешь, что домой живым вернулся, хоть и с пустыми руками!»

Старый Никос больше сорока лет возил свой улов в таверну матушки Софии, пока та не слегла и не выпустила бразды правления таверной из рук. Их подобрал ее племянник, «молодой, да ранний», как окрестила его бойкая на язык Катерина. Молодой человек решил, что замороженные бургеры, картошка-фри и пепси-кола гораздо выгодней свежих морепродук-

тов. И Никос потерял работу, но ненадолго: Алекс, узнав об этом, немедленно предложил ему работать на себя и поставлять свежие морепродукты на кухню виллы «Афродита» и в таверну «У Ирини и Георгиоса». Старую таверну на самом берегу Смолев приобрел вместе с виллой и восстановил с помощью бывших хозяев – Димитроса Аманатидиса и его матери Ирини.

Ирини Аманатиди уехала на материк ухаживать за заболевшей старшей сестрой, но письма от подруг с острова, рассказывавшие о том, что ее старая таверна, простоявшая несколько лет закрытой, теперь считается лучшей среди других заведений на всем Наксосе, очень грели ей душу. А все благодаря повару Петросу и старому рыбаку Никосу, каждый день привозившему свежую рыбу, кальмаров, каракатиц и креветок.

Вот и сегодня, ранним утром, еще до рассвета Никос привычно вышел в море на свой старой лодке и взял курс на южную оконечность Пароса, планируя попытать счастья у островка Пантерониси. К рассвету он уже был на месте и закинул сети.

Ласковое солнце, отражаясь в прозрачной воде пролива, рассыпалось слепящими бликами по морской глади, и старик, из упрямства не признававший темных очков, жмурил глаза и прикрывал их ладонью. Настало время выбирать сети. Никос завел веревки на старый барабан, который помогал ему вытаскивать из воды тяжелую сеть, уперся покрепче босыми ногами в палубу и стал медленно тянуть. Очень скоро он почувствовал непривычную тяжесть. Рыба, запутавшаяся в сети, идет не так: она бьется, стараясь освободиться, – здесь же тяжесть была неподвижной, мертвой.

Сеть, поднимаясь из воды, постепенно сматывалась и укладывалась на палубу, наконец рыбак понял, что дальше тянуть не в силах. Той силы, что в молодости, у него в руках уже не было. Что ж, на этот случай у него есть лебедка: электродвигатель натужно заурчал, сеть быстро натянулась, барабан просел под тяжестью улова. Наконец-то из воды показался остаток невода. Какой-то большой черный предмет, запутавшийся в сетевом кармане, грузно перевалившись через борт, с глухим звуком упал на палубу между бортом и барабаном.

Никос, заслонясь рукой от яркого солнца, мешавшего рассмотреть улов, подошел поближе, нагнулся над сетью, чтобы распутать ее, и вдруг резко отшатнулся. Попятившись назад, он наткнулся спиной на пластиковый ящик для рыбы, опрокинув на палубу, да так и сел на него.

Солнце светило по-прежнему ярко, море нежно качало лодку, но, несмотря на это, мысли Никоса были мрачнее мрачного. Старый рыбак долго сидел в мучительных раздумьях. Потом, решившись на что-то, он вошел в рубку своей лодки, завел двигатель и взял курс на Наксос. До самой Хоры он из рубки так и не выходил.

Смолев уже вышел на променад Айос Георгиос, весь уставленный тавернами и магазинчиками для туристов, когда зазвонил его мобильный телефон.

– Саша, доброе утро, – прорезался сквозь помехи бас его друга и бывшего сослуживца, а ныне – главы Центрального Национального Бюро Интерпола Греческой Республики Виктора Манна. – Хотя, какое оно, к чертям, доброе – с такими-то новостями!

– У тебя-то что стряслось? – спросил Смолев, продолжая движение в сторону марины, где была лодочная стоянка старого Никоса, до нее было минут семь быстрым шагом. – В Афинах снег пошел? Говори, я слушаю!

– Снег пошел бы – радость только! Не поверишь, лепил бы снежки с утра до вечера! Все веселее, чем жуликов да бандитов гонять! – хмыкнул генерал Интерпола. – Все гораздо хуже: вчера во время заплыва между Паросом и Антипаросом на «морском марафоне» пропал очень важный свидетель. Мы его год разрабатывали! А он как в воду канул! И в прямом и в переносном смысле, черти бы его драли!

– Что значит «пропал»? – недоуменно спросил Смолев. – Куда он мог пропасть? Утонул?

– Да вот то и значит! Наше наблюдение обвел вокруг пальца, как щенят неразумных! В воду вошел на старте, а на Антипаросе из воды не вышел! – раздраженно ответил Манн. – По всем бумагам зарегистрировался, судья утверждает, что помнит его в лицо, мол, он к нему перед заплывом подошел, представился и нес какую-то чушь, отвлекая судью от работы, потому он его и запомнил.

– Какую чушь? – уточнил Алекс. – И чем тебе так важен этот свидетель?

– Да толком судья не помнит: что-то про погоду, про ветер свободы, ахинею какую-то нес! Зато судья помнит его, что он был на регистрации и в море ушел. Еще и повернулся, мол, и рукой судье помахал, мерзавец! А важен он нам, Саша, тем, что это бухгалтер одной из итальянских мафиозных группировок. Ты про неаполитанскую Каморру слышал что-нибудь? Я вышлю тебе справочку по электронной почте – волосы зашевелятся! Мы этого Жан-Гвидо Пиани год разрабатывали! По крупицам из него информацию вытрясали! Год работы коту под хвост! Он обещал нам сдать все счета синдиката под гарантию неприкосновенности. Надо сказать, что босса его взяли в прошлом году, теперь всем на свободе заправляет жена босса – страшная женщина – но если бы мы получили доступ к их бухгалтерским книгам, счетам и всем операциям – они бы не продержались и двух недель. И мне вчера докладывают, что он пропал во время «морского марафона»! Понимаешь мое состояние?

– Понимаю, – хмыкнул Смолев, подходя к марине, где стояли рыбацкие лодки.

Уже издалека он заметил, как рыбаки столпились большой группой рядом с лодкой Никоса, словно рассматривали что-то, лежавшее на молу.

– Чем я тебе могу помочь, генерал?

– Саша, друг мой дорогой, поезжай на Парос, выясни, что и как, – взмолился по телефону Манн. – С главным судьей соревнований переговори, со свидетелями: мне нужна информация из первых рук. А главное осмотрись там, подумай, ты умеешь! У тебя головушка светлая, опыта в розыскной работе не занимать! Сделай доброе дело, Интерпол тебя не забудет! Кого же мне еще послать, когда такой профессиональный «кадр» в шести километрах?

– Ох, и льстец же ты, генерал! – рассмеялся Алекс, подходя к рыбакам, которые, завидев Смолева, стали молча расступаться и пропускать его вперед. – Ну, если надо – так надо, конечно, поеду. Но ты мне будешь должен! Следующие выходные вы всей семьей у меня в гостях! И никаких «дела не позволяют», слышишь? Как он выглядел хоть?

– Среднего роста и телосложения, фото пришлю, лицо незапоминающееся, совершенно не за что зацепиться взглядом! Такому в разведке служить, нелегалом, а он в бухгалтеры к мафии подался! На Паросе был в темно-синем гидрокостюме, со слов судьи, – да что в том толку? Получишь фото, потолкайся там по барам, он был любитель посидеть, охмурить девчонок, может, вспомнит кто. Вот такая невезуха! Сможешь завтра с утра выехать? В идеале, конечно, еще сегодня… Сможешь?.. Алло, Саша, ты пропал, ты меня слышишь, алло? Чертова связь! Алло?!

Смолев уже с минуту молча стоял в метре от безжизненного тела в темно-синем гидрокостюме, что лежало на берегу, запутавшись в сетях. Из-под тела натекла большая лужа морской воды, но не на нее смотрел Смолев.

Наконец, он пришел в себя и мрачно произнес в трубку:

– Не кричи, генерал. Я тебя слышу. И связь в порядке. Похоже, на Парос ехать незачем: твой утопленник нашелся. В метре от меня лежит на земле. Старый рыбак вытащил его сетями.

– Что? Это точно он? В синем костюме? Он точно мертв? – в отчаянии воскликнул глава Бюро Интерпола.

– Я не эксперт, Витя, – сумрачно произнес Смолев. – Но даже я скажу – однозначно мертв: у него нет головы!

Часть вторая

Вкусный завтрак – отдельный праздник в жизни!
Харуки Мураками

Закончив телефонный разговор с сержантом местного отделения полиции Дусманисом, Алекс задумался. Из разговора он вынес для себя, что в отсутствие старшего инспектора Антонидиса и в связи с обнаруженным трупом афинское начальство, не полагаясь на оставшиеся полицейские силы острова, все же решило направить на Наксос опытного и активного оперативника, который прибывает уже сегодня к вечеру.

Алекс пожал плечами – ему же меньше хлопот – и собрался уже было пойти на завтрак, как раздался звонок по интеркому.

Смолев нажал кнопку громкой связи.

– Доброе утро, дядя Саша! – раздался низкий, с хрипотцой голос Рыжей Сони. – Ты хоть на завтраке появись, вчера на ужине так тебя и не дождалась! Катерина говорит, ты вернулся заполночь!

– Доброе утро, Рыжая! – ответил Смолев. – Буду через десять минут. А вчера замотался: сначала в полицейское управление, потом в больницу, потом общался с экспертами.

– Что-то серьезное? – спросила озабоченно управляющая гостиницей.

– Старый Никос привез в сетях мертвое тело, – нехотя ответил Смолев. – Выловил его у южной оконечности Пароса, там накануне был «морской марафон». Вот во время этого ежегодного заплыва один человек и пропал. Такое вот, понимаешь, совпадение.

– С ума сойти! – тихонько присвистнула Соня. – Кто такой? Турист? Или кто из местных?

– Ничего пока не известно. Полиция занимается этим вопросом, выясняют, думаю, что разберутся. Вот что, после завтрака с Катериной найдите Костаса: пусть передаст отцу, что он может эту неделю не ходить в море. Старик слишком потрясен. Да и примета паршивая. У местных рыбаков считается, что кто из моря труп достал – тому больше в промысле фарта нет, сколько в море ни ходи, а что еще хуже – мол, Смерть того пометила и скоро заберет. Суеверия, куда от них деваться! Так что старик пусть отдыхает, но мы ему все равно заплатим по-среднему, поняла? Потом сочтемся… В расходах по бухгалтерии проведите за мой счет.

– Поняла, что ж тут не понять! – согласно произнесла Соня. – Только другое непонятно: пока Никос в оплачиваемом тобой отпуске, где мы свежие морепродукты будем брать на виллу и на таверну? Что я Петросу скажу? У других таверн перекупать будем? Нам сейчас в день минимум двенадцать килограммов нужно! А лучше – пятнадцать! Сам знаешь, у всех поставщиков связи десятилетиями сложились. Кто нам отдаст улов? Побоятся работу потерять и постоянных покупателей. Сегодня ты перекупишь, они подведут людей, а завтра Никос снова выйдет в море, – и что им делать?

– Понимаю, это – сложный организационный вопрос, – безмятежно ответил Смолев, жмурясь на ласковое утреннее солнце. – Так вот ты его и решай! Ты же у меня управляющая! Это твоя головная боль! Я всего лишь хозяин – эксплуататор, то бишь! Мое дело – прибыль! Ты что, в своем «Финэке» политэкономию не изучала? Про такой предмет и не слышала? Повезло тебе… И не надо так громко протестовать! Что значит, местных рыбаков еще не знаешь? Молодая, красивая, – могла бы уже и познакомиться! Отбою бы не было… от морепродуктов! Ладно, ладно, шучу! Хорошо, придумаем что-нибудь, Рыжая, не переживай! Есть у меня на примете один капитан… Кстати, да и в самом деле, переговори-ка с Джеймсом Бэрроу, попроси тебя связать с капитаном Василиосом с судна «Афина». Они вместе работали весь сезон – занимались подводной археологией. Сам Василиос не рыбак, но, может, что подскажет. Он знает всех и вся на Кикладах. Найдет нам пару рыбаков, что будут готовы поделиться уловом.

– Хорошо, записываю, – произнесла Соня, немного успокоившись. – Бэрроу, Василиос… Так, с этим понятно. Про жильцов тебе сейчас доложить или на завтраке? Или ты с Катериной это обсудишь? Она уже с восьми утра все порывалась тебе позвонить и доложить как ответственная за расселение. Еле удержала, чтобы ты поспал.

– Ни в коем случае! – воскликнул Алекс. – По собственному печальному опыту знаю: до завтрака с Катериной никаких разговоров – заболтает! Останешься без завтрака. А то и без обеда, и без ужина! А и в самом деле, пойдем, посмотрим, чем сегодня с утра Петрос порадует, там и расскажешь про постояльцев.

Ровно через десять минут Алекс уже сидел за хозяйским столиком на нижней террасе, реечный потолок которой был весь увит виноградной лозой – предметом гордости и постоянного внимания со стороны старого садовника Христоса. Благодаря его стараниям лоза плодоносила каждый год, вот и сейчас крупные зеленовато-желтые гроздья винограда асиртико свисали вниз с реечного потолка в обрамлении ярко-зеленых виноградных листьев.

Завтрак всегда накрывался здесь – на просторной нижней террасе, где было прохладнее в утренние часы. Открытая верхняя терраса использовалась для ужина, когда солнце уже клонилось за горизонт, и можно было наблюдать, как оно погружается в море, окрашивая потемневший небосклон и морские воды в ярко-алые закатные тона.

Хозяйский стол стоял в небольшом отдалении, и, сидя за ним, Смолев мог наблюдать за всеми остальными столиками, где завтракали постояльцы.

Усевшись, он помахал рукой супругам Бэрроу. Лица Лили и Джеймса просияли улыбками, маленькая Кристина радостно помахала Алексу в ответ. Она с удовольствием завтракала хлопьями в молоке, поглядывая с нетерпением на маленький тортик, который специально для

нее испек Петрос, не чаявший души в маленькой шалунье. Джеймс и сам держал в каждой руке по свежей выпечке, поочередно откусывая от каждой и закатывая глаза от наслаждения.

Сегодня Петрос испек не только свежие круассаны, но и сдобные булочки с абрикосовым джемом, пирожки со знаменитым островным вареньем из айвы, блины с начинкой из сыра, зелени и творога, хрустящие палочки из теста с кунжутом, – все это великолепие присутствовало на столе англичан. Лили пила кофе с молоком, поглядывая со счастливой улыбкой на свое семейство и время от времени вытирая Кристине подбородок бумажной салфеткой.

Прекрасные люди, пожалуй, приглашу их с собой в поездку на Парос, подумал Алекс.

Уже вчера стало ясно, что без поездки все равно не обойтись. Он давно собирался сам прокатиться по ближайшим островам, но дела его никак не отпускали. А тут есть шанс объединить приятное с полезным.

На соседний стул опустилась Рыжая Соня. Копна ее огненно-рыжих волос была уложена в красивую русскую косу. Она молча положила рядом с собой толстый ежедневник в кожаном переплете и открыла его на нужной странице, которая была вся испещрена записями, сделанными ее мелким бисерным почерком.

Повезло вилле с управляющей, пришло в голову Алексу, наблюдавшему за Соней, он в ней не ошибся.

Пожалуй, приглашу и ее, подумал он. Но тогда надо звать и Петроса – сделаю им двоим небольшой подарок. Пусть грек отвлечется от кухни. Он повар первостатейный, но работает на износ: с раннего утра и до поздней ночи. К осени, глядишь, поженим эту парочку, вот будет праздник, улыбнулся Алекс своим мыслям, искоса с прищуром поглядывая на Соню, что наливала кофе из металлического кофейника себе и боссу.

– Что это ты так хитро смотришь на меня, дядя Саша? – встревоженно поинтересовалась Рыжая, невольно «зависая» с кофейником в руке. – Я этот взгляд знаю! Опять задумал чего?

– Ничего особенного, – пожал плечами Алекс, придвигая к себе поближе мисочку со свежим островным йогуртом и тарелку со слоистым белоснежным творогом. – Как думаешь, Петрос сможет на пару дней оставить кухню на кого-нибудь из помощниц?

– Не знаю, не знаю, – отчего-то смутившись, произнесла Соня. – Ты же знаешь его, он перфекционист! Помощницы есть, он их за последние месяцы хорошо обучил. Особенно Василики – замечательная женщина. Дети у нее взрослые, разъехались кто куда, так она всю душу в нашу кухню вкладывает. А сколько старых островных рецептов знает! Сильно Петроса разгрузила. Я-то думаю, что они справятся, но захочет ли он?

– Так вот ты и спроси, – согласно кивнул головой Смолев, смешивая в своей тарелке нежный йогурт с творогом и добавляя капельку варенья из айвы. – У меня в плане поездка на Парос – Антипарос. Хочу пригласить семью Бэрроу и тебя с Петросом. Арендуем баркас у капитана Василиоса, он нас не только туда-обратно доставит, но и вокруг островов покатает, – как ты на это смотришь? Денька на два? Погода благоприятствует морской прогулке. На Паросе переночуем, на следующий день, вечером – обратно. Заодно решим с ним вопросы по поводу морепродуктов для кухни. Вернее, вы решите! Кому еще это обсуждать с капитаном, как не вам с Петросом? Гостиницу на Паросе сама закажешь, там у нас есть связи, Катерина знает. Расходы по поездке – за счет виллы, не забудь выписать командировочные. Лили и Джеймс хотели показать Кристине знаменитую пещеру, они на весь день уедут на Антипарос. У вас с Петросом будет два дня. Погуляете там, осмотрите достопримечательности. Вдвоем. Пока я по своим делам буду бегать. Ну, Рыжая, так как ты смотришь на мое предложение? Что молчишь?

Алекс мог бы и не спрашивать, таким счастьем засветились зеленые кошачьи глаза его управляющей. Она, не сдержавшись от радости, в порыве благодарности вдруг чмокнула Алекса в щеку, тут же покраснела и совершенно смутилась.

– Ладно, ладно, – пробурчал он довольно, делая вид, что не замечает ее смущения. – Давай-ка по делу: расскажи мне, кто все эти замечательные люди, которых я вижу за столиками?

– Да, да, конечно, – мгновенно собралась с мыслями Соня и пододвинула свои записи поближе. – Давай! С Бэрроу все понятно, они в своем традиционном третьем номере. Мы им предлагали номер попросторнее, но там балкон поменьше, они решили остаться в старом. Их все устраивает. Джеймс подтвердил, что они, как минимум, здесь до конца сезона – еще два месяца. Мы для них рассчитали стоимость проживания, как ты и говорил, с учетом скидки.

– Понятно, – кивнул Смолев, делая глоток ароматного кофе с молоком и придвигая поближе плетеную корзинку с выпечкой. – Молодец, дальше!

– Теперь пойдем по номерам, – продолжила Соня, водя длинным пальцем по строчкам своих записей в ежедневнике. – Номер первый: француз Мишель Готье, винодел, винный эксперт, представитель известного французского Коньячного Дома Готье в одиннадцатом поколении. Вон он сидит за столиком, справа от Бэрроу: молодой человек лет тридцати пяти, очень приятный. Его отец – нынешний глава Коньячного Дома – отправил сына в путешествие по миру «за новыми идеями», как он сказал, прежде чем он будет готов передать ему управление семейным предприятием.

– Прекрасно, обязательно познакомимся, надо будет свести его с местными виноделами. В первую очередь познакомить с Димитросом Аманатидисом и Леонидасом Спанидисом. Они примерно одного возраста и найдут общий язык, – проговорил Смолев, пытаясь сделать выбор между круассаном и булочкой с абрикосовым джемом. – А Дом Готье я прекрасно знаю. Отменные коньяки!

– Так, второй номер, – произнесла управляющая, – вон за тем столиком, в дальнем правом углу – холеный такой мужчина, блондин с голубыми глазами, истинный ариец. Это немец, доктор Штаубе. Дал мне визитку, вот она. Я по-немецки не читаю.

– «Доктор Фридрих Штаубе, челюстно-лицевая и пластическая хирургия, стоматология. Гамбург», – перевел Смолев и вернул визитку Соне, которую она, надписав по-русски перевод, аккуратно убрала в специальную визитницу с надписью «Постояльцы». – Он зачем приехал? Отдохнуть? Надолго?

– Номер оплачен за две недели вперед, – пожала плечами Соня. – Крайне немногословен, очень сдержан. Взгляд не слишком приятный. Пытались пошутить с ним, когда он вселялся – он словно сквозь нас смотрит и не замечает. Да ну и Бог с ним! Дальше: в третьем номере – Бэрроу; ага, в четвертом номере поселилась американская пара – Джош и Мэрилин Хьюстон. Молодые ребята, спортсмены. Виндсерфинг, кайтинг, подводная охота, дайвинг. Привезли с собой снаряжения четыре огромных рюкзака. Как дотащили только! Все сложили в подсобке у Христоса, иначе в комнату они сами бы уже не поместились. Оплатили за неделю вперед. Веселые, нормальные американцы, что редкость. Очень оптимистичные и неунывающие! Все на вилле им очень понравилось сразу. Были счастливы, что бургеров в меню не будет.

– А где они? – ища глазами американскую пару, поинтересовался Смолев. – Не вижу что-то за столом.

– Что ты, дядя Саша, окстись! – рассмеялась Соня. – Они уже час как на побережье у Микри Виглы, там сегодня отличный ветер и волны! Хорошие ребята, мне понравились… Еще общаются так забавно, если что не так, то говорят друг другу: «Хьюстон, Хьюстон, у нас проблема!»,[1] а потом так и покатываются со смеху!

– Ясно, кто дальше? – улыбнулся Алекс, сделав, наконец, выбор и принимаясь за хрустящий круассан.

---

[1] Стандартная фраза-позывной американских астронавтов, обращающихся к Центру Управления Полетами в Хьюстоне в случае каких-либо неполадок на борту – прим. автора

– В пятом номере поселился у нас итальянец Паоло Буджардини. Здесь его не ищи: он заказал завтрак в номер еще с вечера. Приехал паромом с Пароса, весь замученный, лицо бледное, глаза красные. Весь какой-то несчастный. Я даже хотела ему доктора вызвать. Он говорит: ничего страшного, просто на пароме укачало, а он не переносит даже малейшей качки. Отлеживается бедолага в номере. Маленький такой, толстенький. Плащ какой-то на нем несуразный, на два размера больше. Кто носит плащ в такую погоду? На груди – пятно от кетчупа. Я предложила ему сдать плащ в химчистку, но он меня, по-моему, даже не услышал. Толком я и не поняла, кто он и зачем.

– Постой, Рыжая, погоди, – нахмурил брови Алекс, оторвавшись от круассана, – как ты говоришь, Буджардини? Не из Неаполя, случаем?

– Точно! – сверившись со своей «картотекой», подтвердила Соня. – А ты как угадал? Ты его знаешь?

Смолев хмыкнул со значением.

– Я-то – нет, а вот Петрос, по-моему, заочно с ним знаком. Итальянец, говоришь? Его сын с женой – Риккардо и Габриэлла Буджардини – отдыхали у нас месяц назад, проверь-ка по книгам. Если я прав, то это повар из Неаполя. Вернее, владелец небольшого семейного ресторанчика в Испанском квартале, где сам же и готовит. Он тогда помогал разрешить спор между Петросом и Риккардо по поводу того, как именно надо варить спагетти. Петрос наверняка его помнит!

– Да уж! Такого Петрос точно не забудет, – звонко рассмеялась Соня, задорно блестя глазами, – чтобы кто-нибудь учил его варить спагетти! Ладно, проверю. В шестом номере семейная пара из Португалии, уже в возрасте, под семьдесят. Насколько я поняла, жена – гречанка по происхождению, муж – португалец. Ее зовут Мария Лусия, но муж ее называет почему-то «Малу», хотя, я, кажется, догадываюсь, почему. Муж – Луиш Жилберту. Она его зовет… Правильно! Лу! В возрасте, но очень крепкие! Катаются по островам, у нас будут проездом, пока на три дня. Дальше собираются на Парос, Миконос и на Санторини. Везде дня по три-четыре. Что-то вроде запоздалого свадебного путешествия. Вон они сидят за столиком у края террасы, виноградом любуются. По-моему, он имеет какое-то отношение к производителям портвейна. Но по-английски он не очень, а я по-португальски вообще никак!

– Ясно, – кивнул Алекс, вытирая замасленные пальцы бумажной салфеткой. – Думаю, что он говорит по-испански, в любом случае, поймем друг друга. Испанский и португальский достаточно для этого близки. Кто в седьмом?

– В седьмом со вчерашнего дня живет японец – друг Фудзивары, Ямада Таро, мастер Иайдо. Ему шестьдесят семь лет, но он каждое утро занимается по четыре часа на берегу. Сама видела. Да с такой интенсивностью занимается – уму непостижимо! Я попробовала тайком, встала невдалеке, стала за ним повторять, не поверишь: через два часа – все! Спеклась! Через три дня он проводит семинар в Додзе для учеников. Уже сорок два человека записались. Ты придешь?

– Конечно, мы к тому моменту уже вернемся с Пароса, – подтвердил Смолев. – Постараюсь не пропустить этот семинар. Ты портрет Фудзивары, что в Додзе висит, пока сенсея нет на острове, – сними. Ямада Таро заметит, скажет мастеру – тот нам уши оборвет. Он был против, но так положено, он – глава школы. Повесим обратно, когда японец уедет!

– В восьмом мы никого не поселили, как ты и сказал, будем заканчивать перепланировку, – кивнув, продолжила Соня. – Так, с большой галереей все. Теперь осталось три номера по малой. В девятом – студенты археологи из Афинского университета, практику проходят здесь по совету Джеймса Бэрроу. Юноша – англичанин, его подруга – гречанка. Студенты четвертого курса. Оба в очках, типичные отличники. Вон они сидят, за соседним столиком с Бэрроу. Очень воспитанные и скромные ребята. Его зовут Алфред Смарт, ее – Пенелопа Закинтиоти. Красивая фамилия!

– Она означает, что ее предки были с острова Закинтос, – пояснил Алекс. – По греческим фамилиям можно изучать и историю, и географию страны. А тут и история – Пенелопа, и география – Закинтиоти!

– Ясно. Думаю, что они проще к этому относятся, дядя Саша, – рассмеялась Рыжая. – Она его зовет Алфи, а он ее – Пенни! Современная молодежь, что ты хочешь!

Смолев неопределенно хмыкнул, но ничего не сказал.

– В десятом – Моник Бошан и Джульетт Гаррель, – продолжала Рыжая Соня, сверяясь со своими записями. – Все никак в себя не придут после того дела с импрессионистами. Уж очень они подружились с Мари и Гастоном Леблан, которые оказались и не Мари, и не Гастон, да и вовсе не Леблан. Ходят грустные, печальные. На завтрак не приходят, мы им в номер приносим. Через три дня уезжают. Ну, и в последнем, в одиннадцатом, поселились молодые парни, израильтяне. Три человека. Сперва они мне показались несколько странными: у всех затылки выбриты, выправка военная, одежда вся – цвета хаки. А зовут их, – она склонилась над записями, – Моше Коэн, Самуил Левин и Леонид Меламед.

– Солдаты в отпуске, наверняка, – пожал плечами Алекс. – В Израиле сейчас вся молодежь под ружьем, времена тревожные. Ты присмотри за ними. Солдат в отпуске – не всегда самый спокойный постоялец, сама понимаешь.

– Хорошо, присмотрю, – пообещала Соня. – Но пока ведут себя достойно, на завтрак пришли минута в минуту. За пятнадцать минут ровно позавтракали и ушли на море. Еще вчера они попросили у нас координаты местного дайвинг-клуба. Кстати, я так поняла, что Меламед у них старший, вроде сержанта. И по-русски он говорит свободно.

– Солдат приема пищи не пропустит, – хмыкнул Смолев со знанием дела, – но и за столом попусту не засидится… Ладно, я потом пообщаюсь с их сержантом.

В этот момент к их столику подошел Джеймс Бэрроу. Лицо его было взволнованно, а в руке он держал свой айпад. Алекс приветливым жестом пригласил его присесть за свой столик.

– Доброе утро, Алекс, – возбужденно произнес англичанин, присаживаясь рядом и благодарно кивая. – Нет, вы только послушайте, какие новости! Что пишут местные агентства! Во время «морского марафона» между Паросом и Антипаросом утонул человек! Его мертвое тело выловил сетями рыбак с Наксоса! Нелепость какая-то! Но как это возможно? Два года назад я сам ездил на Парос, был в Пунте и видел подобный заплыв своими глазами! Там огромное число спасателей, катера, лодки, местные телеканалы, фотографы следят практически за каждым! Весь заплыв транслируется в прямой эфир! Как он мог «незаметно» утонуть? А вернее, как они могли это обнаружить лишь после того, как закончился «марафон»? Вот, тут пишут, послушайте: «Ничто не предвещало столь трагической развязки. Из воды вышел последний участник, им оказался…» Так, это все не то, а, вот! «Службы спасения, которые вели постоянное наблюдение за ходом заплыва, отмечают, что не заметили ничего странного в поведении участников: никто не звал на помощь, не подавал признаков усталости, не поднимал руку в оранжевой перчатке в характерном жесте, которым обычно уставшие участники дают сигнал спасателям в лодке, что они сходят с дистанции…» Чушь какая-то! Я знаю, как вы любите всякого рода загадки, так вот – заявляю, что «незаметно утонуть» во время этого заплыва просто невозможно!

– Разрешите взглянуть, Джеймс, – попросила Соня и, приняв от англичанина айпад, углубилась в чтение статьи.

– Согласен, – перейдя на английский, ответил Смолев, потирая пальцем левый висок, который всегда начинал пульсировать, когда хозяин волновался, или ему в голову приходила какая-то неожиданная мысль. – Похоже, что дело сложнее, чем кажется… Что вы говорите, Джеймс: местные телеканалы? Очень интересно! Вот что, как вы смотрите на то, чтобы совершить морскую экскурсию на «Афине» на Парос и Антипарос? Кажется, вы давно обещали

Кристине, что покажете ей знаменитую пещеру, где жил Зевс? Предлагаю завтра ранним утром и отправиться! Я арендую «Афину» на три дня и предлагаю составить мне компанию. Как вы на это смотрите?

– Прекрасная мысль! – просияв, воскликнул англичанин. – С одним условием: Петрос даст нам с собой еды в дорогу! У меня есть отличная корзинка…

– Петрос едет с нами, – рассмеялся Алекс. – Зная его, голодать мы по пути точно не будем!

– О! Тогда никаких препятствий и быть не может! Решено! – радостно ответил англичанин и вскочил. – Пойду обрадую Лили и Кристину!

Джеймс Бэрроу подошел к своему столику и, склонившись, что-то рассказал семье. Было видно, как Лили и Кристина захлопали в ладоши. Семья англичан поднялась и, на прощанье помахав руками Смолеву и Соне, поспешила на пляж.

– Он снова забыл свой айпад! – произнесла Рыжая с отчаянием, оторвавшись от чтения и заметив, что англичан больше нет на террасе. – Потрясающая рассеянность! Он постоянно все везде теряет, мы находим его вещи по всей вилле! Как с такой рассеянностью он стал профессором археологии? Ты говорил, он умудрился даже что-то найти в море? Какой-то древний корабль? Амфоры с вином? Вдвойне удивительно! Ты уверен, что он именно «нашел», а не «потерял»?

– Он прекрасный ученый и отличный археолог, Рыжая, – по-прежнему задумчиво произнес Алекс. – А рассеянность… Рассеянность – признак гениальности. Он подал мне одну важную мысль, и мне необходимо ее проверить!

– Так ты думаешь, что этот пропавший и есть наш утопленник? – поинтересовалась Соня. – Почему тогда ни в одной заметке нет ни слова о том, кто именно утонул?

– Думаю, что полиция умышленно дозирует информацию, которая поступает в СМИ. И правильно, кстати, делает. Почему? Потому, что пока лишь мы знаем наверняка, что пропал один пловец и в море на следующий день найден один труп в такой же одежде, – хмуро произнес Смолев. – Но не факт, что это один и тот же человек! И похоже, что эта мысль пришла в голову не только мне!

Часть третья

На море ничего нельзя знать наперед
– ни-че-го!
Агата Кристи, «Десять негритят».

Большой двухмачтовый баркас с высокими бортами, выкрашенными в ярко-красный цвет, на которых с обеих сторон его широких «скул» гордо красовалась надпись «Афина» на греческом языке, ранним утром медленно отошел от каменного причала Хоры Наксоса и, беспрепятственно развернувшись в пустой бухте по широкой дуге, уверенно взял курс на соседние острова.

За десять минут до того по трапу на корабль поднялись Смолев и Рыжая Соня с Петросом, который играючи нес в мускулистой руке тяжелую корзину с провиантом «в дорогу», как он выразился, весело подмигнув Джеймсу Бэрроу. Корзина распространяла вокруг себя дурманящий аромат свежей выпечки, жареного мяса, лука, тушеных овощей и картофельной запеканки. Петрос унес ее в каюту до поры и вернулся на палубу.

Молодой матрос – один из двух помощников капитана – сноровисто отвязал швартовые канаты и убрал трап.

Баркас – гордость капитана Василиоса, кряжистого грека с окладистой черной бородой и обветренным лицом моряка, на котором живо поблескивали черные глаза под косматыми черными бровями – постепенно вышел на свою «крейсерскую» скорость, которая, по чести сказать, была не слишком велика.

Старый дизель натужно шумел, толкая тяжелое судно вперед.

Но волны с веселым плеском бежали за бортом, утреннее солнце ласково светило, свежий ветер бодрил путешественников, лишая их последних остатков сонливости, которую не смогли окончательно победить ни крепкий кофе, ни ранний завтрак на террасе виллы «Афродита». Старый баркас медленно продвигался вперед, но никто никуда особенно и не спешил.

На нижней палубе баркаса, на корме, рядом с грузовым трюмом, на мягких матрасах, разложенных по скамьям, первыми прибыв на хорошо знакомое им судно, с комфортом расположились Джеймс и Лили Бэрроу.

Кристина с удивлением и радостью разглядывала корабль, капитан которого произвел на юную путешественницу неизгладимое впечатление: он сперва картинно выпустил клубы дыма из своей длинной трубки и, сверкнув глазами, проревел по-английски нутряным басом: «Добро пожаловать на „Афину“, юная леди!», чем заставил ее сразу боязливо спрятаться

за Лили, а потом вдруг неожиданно протянул ей вкусный леденец в виде большого красного дельфина – и откуда только взял, старый пират!

Видимо, заранее подготовился, подумал Джеймс Бэрроу и, улыбнувшись, покачал головой. Он подхватил дочку на руки, и, чувствуя себя в безопасности, девочка осторожно приняла подарок бывалого моряка.

«Ну, вот и славно!» – довольно пробурчал себе под нос капитан и, затаенно улыбаясь в бороду, отправился в рубку на верхнюю палубу.

Алекс оставил Петроса и Соню на корме в компании семьи Бэрроу и ловко поднялся по лестнице, что вела к капитанскому мостику. Капитан, хорошо его знавший, встретил Алекса молчаливым кивком и крепким рукопожатием.

– Нам будет необходимо обойти Парос с юга, – Смолев развернул небольшую карту и показал капитану вычерченный на ней маршрут. – Со слов Никоса, вот здесь было найдено тело. Видите крестик? Меня интересует, могло ли течением вынести тело в эту точку на второй день вот отсюда, если допустить, что оно принадлежит пропавшему участнику соревнований, вы понимаете меня?

– Чего ж здесь непонятного, – пожал могучими плечами капитан Василиос, внимательно вглядываясь в карту, не отпуская при этом штурвала. – Можно и так подойти, хоть это и будет, как это сказать, небольшой «крюк». Дело хозяйское. Только я вам сразу скажу, что вот отсюда, – грек ткнул черным пальцем с пожелтевшим от табака ногтем в карту, где был обозначен маршрут «морского марафона», – вот сюда, где у вас крест обозначен, господин Смолев, мертвец смог бы попасть только в одном случае – если бы усиленно греб руками и ногами. И так – целые сутки! Да и то – не факт! Течение, что здесь идет вдоль берега Пароса, причем, довольно сильное, особенно для пловца-одиночки, идет в противоположную сторону! Его никак не могло сюда вынести. Мы пройдем там, чтобы вы убедились сами.

– Следовательно, капитан, – медленно произнес Алекс, осмысливая сказанное, – вы считаете, что тело не могло снести в эту точку с маршрута, по которому проходил заплыв? Вот он на карте обозначен пунктиром.

– Совершенно исключено, – уверенно покачал головой Василиос. – Никаких шансов.

– Хорошо, – помедлив, продолжил Смолев. – Тогда скажите, где надо было сбросить тело, например, с лодки, чтобы оно оказалось в этой точке? И когда?

Капитан «Афины» еще раз внимательно взглянул на карту, закрепил штурвал, неспешно набил трубку табаком, – на сей раз это был «Черный Кавендиш», подарок Джеймса Бэрроу – раскурил ее, выпустив клубы ароматного дыма, и только затем задумчиво произнес своим рокочущим басом:

– Будь я проклят, если тело не сбросили в воду вот в этом районе, между островками Дрионисси и Пантерониси. И аккурат в ту самую ночь, незадолго до того, как старый Никос вышел в район Пантерониси на своей развалюхе.

– Почему именно в этом районе? – спросил Смолев, в свою очередь внимательно изучая карту. – И почему в эту ночь?

– Течение, – пожал плечами капитан «Афины». – Если бы дальше – унесло бы от острова дальше к югу, а затем в пролив Наксос – Парос. Если бы западнее Пантерониси – тоже на юг бы унесло. А если труп нашелся здесь, значит, не дальше Пантерониси он и попал в воду. Думаю, что в воде он провел недолго, часа четыре, прежде чем старый Никос его вытащил, бедолага. Как раз достаточно, чтобы тело сюда снесло. Впрочем, в полиции скажут точнее: говорят, они знают, как определить, сколько времени утопленник в морской воде проболтался.

– Ясно. Да, дождемся заключения экспертизы, – кивнул Алекс, что-то напряженно обдумывая. – Еще вопрос, капитан. Скажите, в Эгейском море водятся крупные хищные акулы? Особенно в этом районе? Что говорят рыбаки?

– В любом море есть акулы, – пожал плечами капитан, возвращаясь за штурвал и корректируя курс корабля, – раз они где-то есть, то могут оказаться в любой момент и в любом другом месте. Не все это понимают, оттого и гибнут порой… В море всякой живности полно. А рыбаков меньше слушайте – наболтают такого! У них каждая рыба, что сорвалась с крючка, – с полтонны весом! А к чему вопрос, господин Смолев?

– У тела, что было обнаружено, не хватает кистей рук и головы, – мрачно заметил Смолев. – Возникает вопрос, могли ли это сделать акулы?

– В море все может быть, – сказал, поразмыслив, капитан. – На то оно и море! Но, все-таки, маловероятно… Здесь, у самого острова?.. Акулы у нас есть, безусловно, много и разные. Опасных, правда, вида два-три, не больше. Многих перебили, большинство ушло на глубину. Иногда появляются. Может, и из Средиземного кто заплывет или еще откуда подальше. Кто его знает, что там, на глубине плавает, и какого оно размера! Лично я за сорок лет, что стою на палубе, ни разу не захотел это выяснить! Море – есть море!.. Так случайно узнаешь – и забудешь про сон, по мне – так лучше и не знать!

– Тогда почему маловероятно? – поинтересовался Смолев, внимательно слушавший капитана. – Раз есть акулы, они могли это сделать?

– Кисти рук и голова? – недоверчиво прищурился капитан Василиос и погладил бороду. – И все? И только-то? Где ж вы такую сытую акулу видели, чтобы она этим лишь ограничилась? А сколько при этом крови выльется в воду? Из живого-то человека? Да все акулы в округе, если они есть в радиусе пяти миль, будут знать об этом через десять минут! Чувствительные твари! Говорят, они чувствуют каплю крови на милю воды! Будь здесь стая акул – его бы разодрали на куски, верьте моему слову! Ничегошеньки бы не оставили!

– Из живого человека, говорите? – повторил за ним Смолев задумчиво. – Да, понимаю, понимаю. Хорошо! Тогда давайте пройдем мимо тех островов, что вы назвали: хочу увидеть все своими глазами. Потом пойдем в пролив, где проходил марафон. Затем – в порт Хоры Пароса. Дальше – определимся!

– Добро! – согласился капитан и, сверившись с курсом, слегка переложил штурвал влево.

Смолев, оставив капитана, спустился на нижнюю палубу и прошел на корму, где Джеймс оживленно что-то рассказывал внимательно слушавшим его спутникам.

– Вы даже не представляете себе, какие чудеса скрывает от нас морское дно! Целые города ушли под воду, с храмами и святилищами, с площадями, мощеными дорогами и крепостями! Особенно здесь, в Эгейском море!

– Почему именно в Эгейском? – спросила Рыжая Соня, сидевшая рядом с Петросом напротив английской пары.

– Землетрясения! – поднял руку Джеймс и указал пальцем в небо. – Это раз! Это сейсмоопасный район, и землетрясения здесь нередки. К счастью, таких мощных, что уничтожило огромный остров Тиру, который многие историки и археологи принимают за древнюю Атлантиду, описанную греческим философом Платоном, не было уже несколько сотен лет. И слава Богу! От Тиры, что оказалась в жерле огромного вулкана, остался крошечный островок – Санторини. И пострадала не только она: волна цунами дошла до Крита и полностью уничтожила загадочную минойскую цивилизацию! Это была катастрофа вселенского масштаба! Есть над чем потрудиться нам – археологам…

– А два? – поинтересовалась неугомонная Соня. – Если есть «раз», должно быть и «два»?

– А «два», – грустно улыбнулся англичанин, – это тот самый «парниковый эффект», который приводит к тому, что тают ледники в горах, уменьшаясь в объеме за последние несколько лет практически в десятки раз! Стали стремительнее таять льды в Гренландии, Арктике и Антарктиде. Почему? Все просто: лед тает в тепле! Климат меняется, льды тают и, превращаясь в воду, меняют уровень мирового океана!

– Ну, насколько они могут его изменить? – усмехнулась Соня. – На метр за сто лет? Кто это заметит?

– На самом деле, дорогая Софи, это только так кажется, – англичанин стал серьезным. – Поверьте, прогноз гораздо более пессимистичный! Если ничего не изменится, темпы таяния льдов в Северном и в Южном полушариях тоже сохранятся, то при условии, что все льды растают, уровень мирового океана поднимется на шестьдесят четыре метра! И это будет очередной Вселенский Потоп!

– Что это значит, милый? – тихо спросила Лили, накрывая утомившуюся и задремавшую в тени Кристину легким покрывалом.

Англичанин порылся в своем рюкзачке и вытащил оттуда потрепанный справочник, пролистал его и, открыв на нужной странице, передал жене.

– А это значит, дорогая, – произнес он, – что все города, которые находятся сейчас ниже отметки в шестьдесят четыре метра над уровнем моря, будут затоплены.

Лили начала негромко читать вслух:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.